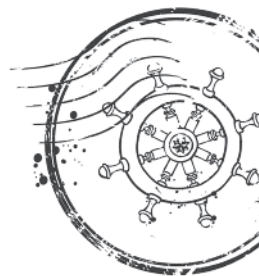

ПРОЗА
ФИОНЫ ВАЛПИ

Когда мы были счастливы

ФИОНА ВАЛПИ

Море
вспоминаний

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
В15

Fiona Valpy
SEA OF MEMORIES

Серия «Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи»

Публикуется с разрешения
Madeleine Milburn Ltd и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Манучаровой Марины*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Валпи, Фиона.

В15 Море воспоминаний : [роман] / Фиона Валпи; — [перевод с английского М. Манучаровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 352 с. — (Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи).

ISBN 978-5-17-127501-3

Разум Эллы Делримпла с возрастом все больше избавляется от воспоминаний. И, когда внучка Кендра решается навестить ее после долгой разлуки, Элла просит только об одном — записать ее историю.

Элла буквально собирает собственную жизнь по кусочкам. Она пускается по волнам прошлого и вспоминает, как 1937 год навсегда изменил ее жизнь, как она провела лето на затерянном в Атлантике островке, как любила, как нагло война вторглась в ее жизнь и как она старалась не потерять себя в те страшные годы... Элла вспоминает все, что чувствовала, пока память не покинула ее.

Роман «Море воспоминаний» — это путешествие от острова Ре с его неугомонными ветрами до изумрудных холмов Шотландии, в котором каждый найдет источник силы, любовь и надежду, если только осмелится отправиться в путь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127501-3

© 2018 Fiona Valpy Ltd
© Манучарова М, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Светлой памяти моей бабушки
Э. Т. («Милли») Макдональд
1906–2008 гг.*

souvenir (*англ.*) — сувенир (*сущ.*) — память; предмет, данный кем-либо, сохраненный и т. д., чтобы вспомнить прошлое.

se souvenir (*фр.*) — (возвратная форма глагола) вспоминать о чем-либо.

Тот день из золотой был скроен ткани:
Стелился шелком океан безбрежный,
И легкий бриз травы касался нежно,
И сто других штрихов, сто ярких граней.

Вдвоем по кромке, босиком в прибое...
Вдруг чистым блеском в круговерти пенной —
Спираль ракушки — как спираль Вселенной,
Вобравшая тот день и нас с тобою.

Теперь она в моем пальто, в кармане,
Хранит тепло моих воспоминаний.

Элла Делримпл

2014, ЭДИНБУРГ

«Добро пожаловать в дом престарелых» — слова на вывеске не отменяли того факта, что я стою под проливным дождем, сбоку от стеклянной двери, слегка сторбившись в попытке максимально приблизить ухо к домофону в надежде, что кто-нибудь услышит иотреагирует. Плотнее прижимаюсь к стене, чтобы оказаться под узким навесом, с края которого мне за шиворот затекает еще больше воды. Ветер срывает пожелтевшие листья с платанов, окружающих серое кирпичное здание, вихрем несет их к окнам, где они прилипают на мгновение к мокрому стеклу, а потом смываются струями дождя на дорожки из мелкого гравия. Нетерпеливо смотрю на часы, мыслями я дома: *«Справится ли Дэн? Вспомнит ли он о лекарствах Финна?»* И снова даваю на кнопку звонка, на этот раз дольше и настойчивее.

— Извините, что заставила ждать, — улыбается девушка-администратор и протягивает мне книгу посещений с просьбой ее заполнить. Пока я сбрасываю промокшее пальто, чтобы капли не стекали на отполированный до зеркального блеска стол, она спрашивает: — Вы уже бывали у нас раньше?

Качаю головой, записываю свое имя и дату. В графу «Кого посещаете» вношу имя своей бабушки — миссис Э. Делримп.

Девушка забирает книгу, пробегает глазами запись:

— Так вы приехали навестить Эллу? Это очень мило. Она хорошо устроена, и сын к ней регулярно приезжает, но ей было бы полезно, если бы ее навещали почаще.

Чувство собственной вины вызывает во мне раздражение. Хочется сказать девушке, что я никак не могла приехать раньше, что я работаю полный день учителем, что у моего сына проблемы, что не так просто найти время... Но вместо этого я натягиваю на лицо вежливую улыбку, одновременно пытаюсь привести в божеский вид свои волосы, которые от теплого воздуха в помещении уже начали завиваться в дикие кудри.

Этот визит был вызван звонком дяди Робби:

— Она будет рада видеть тебя, Кендра, если, конечно, ты сможешь отыскать хоть немного свободного времени. Элла хочет попросить тебя кое о чем. Но я должен предупредить, что она крайне слаба и очень изменилась с тех пор, как ты видела ее в последний раз. Ее разум блуждает как будто еще больше.

Говорил дядя Робби мягко, однако в его тоне ощущалась настойчивость, которая усилила мое чувство вины из-за того, что я не навещала старушку раньше. Вообще, в нашей семье есть некоторые сложности. Моя мама никогда не была близка с бабушкой Эллой. Следствием этой никогда не упоминавшейся в семье ссоры между матерью и дочерью было отсутствие общения, пока я росла. Эти их отношения, в числе прочих причин, тоже осложняли мне посещение дома престарелых, и я сомнева-

лась, что расскажу маме о своем сегодняшнем визите, который может показаться ей своего рода предательством, даже не знаю почему.

Сообщи я ей о своем намерении приехать сюда — даже мимоходом, слегка небрежно, как о чем-то не слишком важном, реакция на другом конце провода была бы вполне предсказуемой: фырканье и резкая смена темы разговора.

— Второй этаж. Идите прямо до конца. Ее дверь последняя слева, — направляет меня администратор, профессионально улыбаясь.

Здесь стоит густой, угнетающий запах вареной капусты, который просачивается из-под дверей столовой и, смешиваясь с ароматами освежителя воздуха и дезинфицирующего средства, создает адское амбре. Я бесшумно иду по толстому синему ковру. Опасаясь приступа клаустрофобии в лифте, поднимаюсь по лестнице; внезапно понимаю, какое же счастье, что у меня все в порядке с ногами и, значит, есть возможность выбора. Поднявшись на второй этаж, чувствую, что вспотела, а кожу головы покалывает от жара собственного тела. Оттягиваю высокий воротник шерстяного джемпера, надеюсь немного остыть, успокаиваю дыхание. Как моя бабушка приспособилась к жизни в душливой атмосфере этого заведения, неважно, насколько оно теплое и чистое? Добр ли к ней персонал? Хорошо ли о ней заботятся? Скучает ли она по независимости, которую когда-то давал ей большой, солидный дом в Морнингсайде, дом — полная чаша, с высокими потолками и комнатами, заполненными самыми разными вещами? Или это все больше не имеет для нее никакого значения? Забыла ли она о доме, как забывает теперь очень многое? Ее разум, ка-

жется, избавляется от воспоминаний так же, как она когда-то избавилась от кучи вещей, оставив себе только самое необходимое. Оскудело не только ее жилище, но и сама жизнь, все ее существование, ущербные дни, подходящие к концу.

На последней двери слева красуется число «12», нанесенное с помощью трафарета, а ниже, в маленькой металлической рамке — «Элла Делримпл», ее имя, написанное молодой рукой, аккуратным округлым почерком, непохожим на бабушкин курсив, витиеватый и будто бы слегка подрагивающий на открытках, которые она рассылала на Рождество.

Из комнаты напротив доносится звук телевизора, включенного на полную мощность. Я стою перед дверью бабушки Эллы, прислушиваюсь: там тишина. Негромко стучу. Может быть, она спит?

Я могу оставить записку и незаметно улизнуть, не беспокоив ее, вернуться домой вовремя, чтобы позаботиться о Финне, поужинать и продолжить проверку принесенных домой эссе на тему: «Кто виноват в трагедии Макбет?» Я подозреваю, что некоторые из этих эссе вполне могут оказаться трагедиями сами по себе.

Желание развернуться и уйти очень сильно. Теперь я смогу, честно глядя в глаза кому угодно, сказать, что пыталась навестить ее, и моя совесть будет чиста. Однако и от идеи поскорее вернуться назад я особого удовольствия не испытываю. Кажется, за последнее время стало уже совершенно привычным то, что возвращение домой не радует. Я знаю, что, войдя в двери своего дома, буду бояться встретиться глазами с потухшим, виноватым взглядом Дэна, который прекрасно понимает, как я устала после очередного рабочего дня. Мы оба будем стара-

тельно изображать, что все в порядке. Он напустит на себя бравый вид, жизнерадостно сообщит об отправленном сегодня резюме и связанными с этими радужными перспективами. Я буду сохранять веселый и беззаботный вид в течение всего вечера, выдавливать улыбки и рассказывать забавные истории о своих учениках. Но мы оба будем знать, несмотря на попытки защитить друг друга, что очень обеспокоены нашим финансовым положением и еще больше — нашим будущим. Что уготовано нашему особенному сыну? Финн с рождения был сложным ребенком, болезненная вялость чередовалась у него с бурными, ужасающими приступами ярости. Врачи списывали все это то на колики, то на режущиеся зубки, то на какой-то непонятный вирус. И только когда ему исполнилось два года и стало понятно, что он отстаёт в развитии, нас направили к специалистам, которые в конце концов поставили диагноз — аутизм. С тех пор каждый наш день — это изнурительная борьба, независимо от того, пытаемся ли мы помочь Финну справиться с приступами гнева и ужаса или обиваем инстанции ради получения надлежащей помощи нашему ребенку.

В течение дня мы с Дэном светимся позитивом, но когда ложимся спать, между нами словно образуется непреодолимая бездна. Меня не покидает чувство, что каждый из нас тонет в море собственных забот и не способен протянуть руку и вытащить другого на безопасную отмель. Мы дрейфуем все дальше и дальше друг от друга, не в силах больше бороться с подводными течениями, тянущими нас вниз.

Из комнаты напротив выходит медсестра, держа что-то, накрытое полотенцем, и беззаботно улыбается мне. Я поворачиваюсь к двери Элли и стучу еще раз, немно-

го громче. Голос моей бабушки, слегка надтреснутый и утомленный, звучащий, как семидесятивосьмилетние грампластинки из ее юности, приглашает меня войти.

— Бабушка, это я, Кендра. Заглянула проведать тебя. — Мой голос звучит фальшиво из-за слишком явно ощущаемой вины.

Не представляю, узнает ли она меня. Я навещала бабушку всего один раз, и тогда она назвала меня Роной. Ее морщинистое лицо просияло улыбкой радости и облегчения от мысли, что дочь наконец-то вернулась, чтобы увидеться с ней.

— Я не Рона, я Кендра — дочь Роны, помнишь? А мама навестит тебя обязательно, я уверена, — сказала я тогда и подумала: — *«Ей давно пора бы это сделать, пока еще не слишком поздно».*

Мама много лет не возвращалась в Эдинбург, отказывалась видеться с Эллоу, даже когда узнала о ее переезде в дом престарелых, предоставив заботу о ней дяде Робби так же, как и хлопоты по уборке и продаже бабушкиного дома.

Но сегодня хороший день и все по-другому.

— Кендра, дорогая, как замечательно! — говорит бабушка, глаза которой блестят, а взгляд абсолютно осмысленный. — Входи, придвинь этот стул. Ты совершенно промокла! Повесь пальто на радиатор, чтобы оно немного просохло. Похоже, там отвратительная погода!

Обняв ее, внезапно понимаю, какая она хрупкая. Ее теплая щека прижимается к моей, и я ощущаю, насколько тонка ее кожа.

Бесшумно придвигаю стул, осматриваюсь. Дядя Робби и его жена Женни постарались сделать все, чтобы небольшая комната с тусклыми стенами цвета магнолии

и мягким бежевым ковром стала более комфортной и уютной.

Они перевезли картины Эллы, среди которых была моя любимая — с пляжем и парусной яхтой, и развесили их так, чтобы бабушка могла смотреть на них, лежа на кровати. На полу — пара половичков, не потускневших, хотя местами и побитых временем. Книги и украшения аккуратно разложены на полках, сделанных дядей собственноручно и повешенных вдоль стен и под окном, в которое сквозь кроны деревьев видно, как вдалеке словно плывет по штормовому морю ярко освещенный Эдинбургский замок.

На невысоком шкафчике у ее кровати стоит изящная темно-синяя ваза для фруктов, испещренная, будто молниями, золотыми прожилками. В ней горсть ракушек. Смотреть на них почему-то мучительно. В ракушках нет ничего особенного — просто сувениры с морского побережья. И все же она сохранила их как воспоминание о прошедших праздниках, о давно минувших днях, проведенных на далеких знойных пляжах, о ярком солнце, ласковом ветре и море, шуршащем у ног белыми барашками. Я почувствовала ком в горле и едва сдержала слезы.

— Как ты здесь устроилась, бабушка?

Я знаю, как сложно ей было принять это решение. Она расценивала его как капитуляцию, как признание скорого неминуемого конца. Ее лицо на секунду омрачается от моего вопроса, но она быстро берет себя в руки и все с той же спокойной улыбкой говорит:

— Это место было бы не так плохо, если бы не тот факт, что здесь полным-полно стариков!

Я киваю, улыбаясь ей в ответ: